

Н·С·ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Штопальщик
(Святочные рассказы #7)

Содержание

Глава первая	0005
Глава вторая	0007
Глава третья	0009
Глава четвертая	0012
Глава пятая	0014
Глава шестая	0016
Глава седьмая	0020
Глава восьмая	0023
Глава девятая	0025
Глава десятая	0028
Глава одиннадцатая	0031
Глава двенадцатая	0033
Глава тринадцатая	0035
Глава четырнадцатая	0037
Глава пятнадцатая	0039

Николай Лесков
Штопальщик

Глава первая

Преглупое это пожелание сулить каждому в новом году новое счастье, а ведь иногда что-то подобное приходит. Позвольте мне рассказать вам на эту тему небольшое событие, имеющее совсем святочный характер.

В одну из очень давних моих побывок в Москве я задержался там долее, чем думал, и мне надоело жить в гостинице. Псаломщик одной из придворных церквей услышал, как я жаловался на претерпеваемые неудобства приятелю моему, той церкви священнику, и говорит:

– Вот бы им, батюшка, к куму моему, – у него нынче комната свободная на улицу.

– К какому куму? – спрашивает священник.

– К Василью Конычу.

– Ах, это «метр тальер Лепутан»!

– Так точно-с.

– Что же – это действительно очень хорошо. И священник мне пояснил, что он и людей этих знает, и комната отличная, и псаломщик добавил еще про одну выгоду:

– Если, – говорит, – что прорвется или низки в брюках обобьются – все опять у вас будет исправно, так что глазом не заметить.

Я всякие дальнейшие осведомления почел излишними и даже комнаты не пошел смотреть, а дал псаломщику ключ от моего номера с доверительною надписью на карточке и поручил ему рассчитаться в гостинице, взять оттуда мои вещи и перевезти всё к его куму. Потом я просил его зайти за мною сюда и проводить меня на мое новое жилище.

Глава вторая

Псаломщик очень скоро обделал мое поручение и с небольшим через час зашел за мною к священнику.

– Пойдемте, – говорит, – всё уже ваше там разложили и расставили, и окошечки вам открыли, и дверку в сад на балкончик отворили, и даже сами с кумом там же, на балкончике, чайку выпили. Хорошо там, – рассказывает, – цветки вокруг, в крыжовнике пташки гнездятся, и в клетке под окном соловей свищет. Лучше как на даче, потому – зелено, а меж тем все домашнее в порядке, и если какая пуговица ослабела или низки обились, – сейчас исправят.

Псаломщик был парень аккуратный и большой франт, а потому он очень напирал на эту сторону выгоды моей новой квартиры. Да и священник его поддерживал.

– Да, – говорит, – *tailleur Leroutant*[1] такой артист по этой части, что другого ни в Москве, ни в Петербурге не найдете.

– Специалист, – серьезно подсказал, подавая мне пальто, псаломщик.

Кто это Leroutant – я не разобрал, да при-
том это до меня и не касалось.

Глава третья

МЫ пошли пешком.

Псаломщик уверял, что извозчика брать не стоит, потому что это будто бы «два шага проминажи».

На самом деле это, однако, оказалось около получасу ходьбы, но псаломщику хотелось сделать «проминажу», может быть, не без умысла, чтобы показать бывшую у него в руках тросточку с лиловой шелковой кистью.

Местность, где находился дом Лепутана, была за Москвой-рекою к Яузе, где-то на берегу. Теперь я уже не припомню, в каком это приходе и как переулок называется. Впрочем, это, собственно, не был и переулок, а скорее какой-то непроезжий закоулочек, вроде старинного погоста. Стояла церковка, а вокруг нее угольничком объезд, и вот в этом-то объезде шесть или семь домиков, все очень небольшие, серенькие, деревянные, один на каменном полуэтаже. Этот был всех показнее и всех больше, и на нем во весь фронтон была прибита большая железная вывеска, на которой по черному полю золотыми буквами

крупно и четко выведено:

«Maitr tailleur Leroutant».

Очевидно, здесь и было мое жилье, но мне странно показалось: зачем же мой хозяин, по имени Василий Коныч, называется «Maitr tailleur Leroutant»? Когда его называл таким образом священник, я думал, что это не более как шутка, и не придавал этому никакого значения, но теперь, видя вывеску, я должен был переменить свое заключение. Очевидно, что дело шло всерьез, и потому я спросил моего провожатого:

– Василий Коныч – русский или француз?

Псаломщик даже удивился и как будто не сразу понял вопрос, а потом отвечал:

– Что вы это? Как можно француз, – чистый русский! Он и платье делает на рынок только самое русское: поддевки и тому подобное, но больше он по всей Москве знаменит починкою: страсть сколько старого платья через его руки на рынке за новое идет.

– Но все-таки, – любопытствую я, – он, верно, от французов происходит?

Псаломщик опять удивился.

– Нет, – говорит, – зачем же от французов?

Он самой правильной здешней природы, русской, и детей у меня воспринимает, а ведь мы, духовного звания, все числимся православные. Да и почему вы так воображаете, что он приближен к французской нации?

– У него на вывеске написана французская фамилия.

– Ах, это, – говорит, – совершенные пустяки – одна лаферма. Да и то на главной вывеске по-французски, а вот у самых ворот, видите, есть другая, русская вывеска, эта вернее.

Смотрю, и точно, у ворот есть другая вывеска, на которой нарисованы армяк и поддевка и два черные жилета с серебряными пуговицами, сияющими, как звезды во мраке, а внизу подпись:

«Делают кустумы русского и духовного платья, со специальностью ворса, выверта и починки».

Под эту вторую вывескою фамилия производителя «кустумов, выверта и починки» не обозначена, а стояли только два инициала «В. Л.».

Глава четвертая

Помещение и хозяин оказались в действительности выше всех сделанных им похвал и описаний, так что я сразу почувствовал себя здесь как дома и скоро полюбил моего доброго хозяина Василья Коныча. Скоро мы с ним стали сходитья пить чай, начали благобеседовать о разнообразных предметах. Таким образом, раз, сидя за чаем на балкончике, мы завели речи на царственные темы Когелета о суете всего, что есть под солнцем, и о нашей неустанной склонности работать всякой суете. Тут и договорились до Лепутана.

Не помню, как именно это случилось, но только дошло до того, что Василий Коныч пожелал рассказать мне странную историю: как и по какой причине он явился «под французским заглавием».

Это имеет маленькое отношение к общественным нравам и к литературе, хотя писано на вывеске.

Коныч начал просто, но очень интересно.

– Моя фамилия, сударь, – сказал он, – вовсе не Лепутан, а иначе, – а под французское за-

Главие меня поместила сама *судьба*.

Глава пятая

— Я природный, коренной москвич, из беднейшего звания. Дедушка наш у Рогожской заставы стелечки для древлестепенных староверов продавал. Отличный был старичок, как святой, — весь седенький, будто подлинный зайчик, а все до самой смерти своими трудами питался: купит, бывало, войлочек, нарежет его на кусочки по подошевке, смечет парочками на нитку и ходит «по христианам», а сам поет ласково: «Стелечки, стелечки, кому надо стелечки?» Так, бывало, по всей Москве ходит и на один грош у него всего товару, а кормится. Отец мой был портной по древнему фасону. Для самых законных староверов рабские кафташки шил с тремя оборочками и меня к своему мастерству выучил. Но у меня с детства особенное дарование было — штопать. Крою не фасонисто, но штопать у меня первая охота. Так я к этому приспособился, что, бывало, где угодно на самом видном месте подштопаю и очень трудно заметить.

Старики отцу говорили:

– Это мальцу от Бога талан дан, а где талан, там и счастье будет.

Так и вышло; но до всякого счастья надо, знаете, покорное терпение, и мне тоже даны были два немалые испытания: во-первых, родители мои померли, оставив меня в очень молодых годах, а во-вторых, квартирка, где я жил, сгорела ночью на самое Рождество, когда я был в божьем храме у заутрени, – и там погорело все мое заведение, – и уют, и колодка, и чужие вещи, которые были взяты для штопки. Очутился я тогда в большом злострадании, но отсюда же и начался первый шаг к моему счастью.

Глава шестая

Один давалец, у которого при моем разорении сгорела у меня крытая шуба, пришел и говорит:

– Потеря моя большая, и к самому празднику неприятно остаться без шубы, но я вижу, что взять с тебя нечего, а надо бы еще тебе помочь. Если ты путный парень, так я тебя на хороший путь выведу, с тем однако, что ты мне со временем долг отдашь.

Я отвечаю:

– Если бы только бог позволил, то с большим моим удовольствием – отдать долг считаю за первую обязанность.

Он велел мне одеться и привел в гостиницу напротив главнокомандующего дома к подбуфетчику, и рассказывает ему при мне:

– Вот, – говорит, – тот самый подмастерье, который, я вам говорил, что для вашей коммерции может быть очень способный.

Коммерция их была такая, чтобы разутюживать приезжающим всякое платье, которое приедет в чемоданах замявшись, и всякую починку делать, где какая потребуется.

Подбуфетчик дал мне на пробу одну штуку сделать, увидал, что исполняю хорошо, и приказал оставаться.

– Теперь, – говорит, – Христов праздник и господ много наехало, и все пьют-гуляют, а впереди еще Новый год и Крещение – безобразия будет еще больше, – оставайся.

Я отвечаю:

– Согласен.

А тот, что меня привел, говорит:

– Ну, смотри, действуй, – здесь нажить можно. А только его (то есть подбуфетчика) слушай, как пастыря. Бог пристанет и пастыря приставит.

Отвели мне в заднем коридоре маленький уголок при окошечке, и пошел я действовать. Очень много, – пожалуй и не счесть, сколько я господ перечинил, и грех жаловаться, сам хорошо починился, потому что работы было ужасно как много и плату давали хорошую. Люди простой масти там не останавливались, а приезжали одни козыри, которые любили, чтобы постоять с главнокомандующим на одном местоположении из окон в окна.

Особенно хорошо платили за штуковки да за штопку при тех случаях, если повреждение вдруг неожиданно окажется в таком платье, которое сейчас надеть надо. Иной раз, бывало, даже совестно, – дырка вся в гривенник, а зачинить ее незаметно – дают золотой.

Меньше червонца дырочку подштопать никогда не плачивали. Но, разумеется, требовалось уже и искусство настоящее, чтобы, как воды капля с другою слита и нельзя их различить, так чтобы и штука была вштукована.

Из денег мне, из каждой платы, давали третью часть, а первую брал подбуфетчик, другую – служающие, которые в номерах господам чемоданы с приезда разбирают и платье чистят. В них все главное дело, потому они вещи и помнут, и потрут, и дырочку клюнут, и потому им две доли, а остальное мне. Но только и этого было на мою долю так достаточно, что я из коридорного угла ушел и себе: на том же дворе поспокойнее комнатку занял, а через год подбуфетчикова сестра из деревни приехала, я на ней и женился. Теперешняя моя супруга, как ее видите, – она и есть, дожила до старости с почтением, и, мо-

жет быть, на ее долю все бог и дал. А женился просто таким способом, что подбуфетчик сказал; «Она сирота, и ты должен ее осчастливить, а потом через нее тебе большое счастье будет». И она тоже говорила: «Я, – говорит, – счастливая, – тебе за меня Бог даст»; и вдруг словно через это в самом деле случилась удивительная неожиданность.

Глава седьмая

Пришло опять Рождество, и опять канун на Новый год. Сижу я вечером у себя – что-то штопаю, и уже думаю работу кончить да спать ложиться, как прибегают лакей из номеров и говорит:

– Беги скорей, в первом номере страшный Козырь остановимшись, – почитай всех перебил, и кого ударит – червонцем дарит, – сейчас он тебя к себе требует.

– Что ему от меня нужно? – спрашиваю.

– На бал, – говорит, – он стал одеваться и в самую последнюю минуту во фраке на видном месте прожженную дырку осмотрел, человека, который чистил, избил и три червонца дал. Беги как можно скорее, такой сердитый, что на всех зверей сразу похож.

Я только головой покачал, потому что знал, как они проезжающих вещи нарочно портят, чтобы профит с работы иметь, но, однако, оделся и пошел смотреть Козыря, который один сразу на всех зверей похож.

Плата непременно предвиделась большая, потому что первый номер во всякой гостини-

це считается «kozyрной» и не роскошный человек там не останавливается; а в нашей гостинице цена за первый номер полагалась в сутки, по-нынешнему, пятнадцать рублей, а по-тогдашнему счету на ассигнации – пятьдесят два с полтиною, и кто тут стоял, звали его Козырем.

Этот, к которому меня теперь привели, на вид был ужасно какой страшный – ростом огромный и с лица смугл и дик и действительно на всех зверей похож.

– Ты – спрашивает он меня злобным голосом, – можешь так хорошо дырку заштопать, чтобы заметить нельзя?

Отвечаю:

– Зависит от того, в какой вещи. Если вещь ворсистая, так можно очень хорошо сделать, а если блестящий атлас или шелковая мове-материя, с теми не берусь.

– Сам, – говорит, – ты мове, а мне какой-то подлец вчера, вероятно, сзади меня сидевши, сигаркою фрак прожег. Вот осмотри его и скажи.

Я осмотрел и говорю:

– Это хорошо можно сделать.

– А сколько времени?

– Да через час, – отвечаю, – будет готово.

– Делай, – говорит, – и если хорошо сделаешь, получишь денег полушку, а если нехорошо, то головой об кадушку. Поди расспроси, как я здешних молодцов избил, и знай, что тебя я в сто раз больше изобью.

Глава восьмая

Пошел я чинить, а сам не очень и рад, потому что не всегда можно быть уверенным, как сделаешь: попроще сукнецо лучше слипнет, а которое жестче, – трудно его подворсить так, чтобы не было заметно.

Сделал я, однако, хорошо, но сам не понес, потому что обращение его мне очень не нравилось. Работа этакая капризная, что как хорошо ни сделай, а всё кто охоч придраться – легко можно неприятность получить.

Послал я фрак с женою к ее брату и наказал, чтобы отдала, а сама скорее домой ворочалась, и как она прибежала назад, так поскорее заперлись изнутри на крюк и легли спать.

Утром я встал и повел день своим порядком: сижу за работою и жду, какое мне от козырного барина придут сказывать жалование – денег полушку или головой об кадушку.

И вдруг, так часу во втором, является ладкей и говорит:

– Барин из первого номера тебя к себе требует.

Я говорю:

– Ни за что не пойду.

– Через что такое?

– А так – не пойду, да и только; пусть лучше работа моя даром пропадает, но я видеть его не желаю.

А лакей стал говорить:

– Напрасно ты только страшишься: он тобою очень доволен остался и в твоём фраке на бале Новый год встречал, и никто на нём дырки не заметил. А теперь у него собрались к завтраку гости его с Новым годом поздравлять и хорошо выпили и, ставши о твоей работе разговаривать, об заклад пошли: кто дырку найдет, да никто не нашел. Теперь они на радости, к этому случаю присыпавшись, за твое русское искусство пьют и самого тебя видеть желают. Иди скорей – через это тебя в Новый год новое счастье ждет.

И жена тоже на том настаивает – иди да иди:

– Мое сердце, – говорит, – чувствует, что с этого наше новое счастье начинается.

Я их послушался и пошел.

Глава девятая

Господ в первом номере я встретил человек десять, и все много выпивши, и как я пришел, то и мне сейчас подают покал с вином и говорят:

– Пей с нами вместе за твое русское искусство, в котором ты нашу нацию прославить можешь.

И разное такое под вином говорят, чего дело совсем и не стоит.

Я, разумеется, благодарю и кланяюсь, и два покала выпил за Россию и за их здоровье, а более, говорю, не могу сладкого вина пить через то, что я к нему не привычен, да и такой компании не заслуживаю.

А страшный барин из первого номера отвечает:

– Ты, братец, осел, и дурак, и скотина, – ты сам себе цены не знаешь, сколько ты по своим дарованиям заслуживаешь. Ты мне помог под новый год весь предлог жизни исправить, через то, что я вчера на балу любимой невесте важного рода в любви открылся и согласие получил, в этот мясоед и свадьба моя

будет.

– Желая, – говорю, – вам и будущей супруге вашей принять закон в полном счастье.

– А ты за это выпей.

Я не мог отказаться и выпил, но дальше прошу отпустить.

– Хорошо, – говорит, – только скажи мне, где ты живешь и как тебя звать по имени, отчеству и прозвищу: я хочу твоим благодетелем быть.

Я отвечаю:

– Звать меня Василий, по отцу Кононов сын, а прозвищем Лапутин, и мастерство мое тут же рядом, тут и маленькая вывеска есть, обозначено: «Лапутин».

Рассказываю это и не замечаю, что все гости при моих словах чего-то порскнули и со смеху покатались; а барин, которому я фрак чинил, ни с того ни с сего хлясь меня в ухо, а потом хлясь в другое, так что я на ногах не устоял. А он подтолкнул меня выступком к двери да за порог и выбросил.

Ничего я понять не мог, и дай бог скорее ноги.

Прихожу, а жена спрашивает:

– Говори скорее, Васенька: как мое счастье тебе послужило?

Я говорю:

– Ты меня, Машенька, во всех частях подробно не расспрашивай, но только если по этому началу в таком же роде дальше пойдет, то лучше бы для твоего счастья не жить. Избил меня, ангел мой, этот барин.

Жена встревожилась, – что, как и за какую провинность? – а я, разумеется, и сказать не могу, потому что сам ничего не знаю.

Но пока мы этот разговор ведем, вдруг у нас в сеничках что-то застучало, зашумело, загремело, и входит мой из первого номера благодетель.

Мы оба встали с мест и на него смотрим, а он, покрасневшись от внутренних чувств или еще вина подбавивши, и держит в одной руке дворницкий топор на долгом топорище, а в другой поколотую в щепы дощечку, на которой была моя плохая вывесочка с обозначением моего бедного ремесла и фамилии: «Старье чинит и выворачивает Лапутин».

Глава десятая

Вошел барин с этими поколотыми досточками и прямо кинул их в печку, а мне говорит: «Одевайся, сейчас вместе со мною в коляске поедем, – я счастье жизни твоей устрою. Иначе и тебя, и жену, и все, что у вас есть, как эти доски поколю».

Я думаю: чем с таким дебоширом спорить, лучше его скорее из дома увести, чтобы жене какой обиды не сделал.

Торопливо оделся, – говорю жене: «Перекрести меня, Машенька!» – и поехали. Прикатали в Бронную, где жил известный покупной, сводчик Прохор Иваныч, и барин сейчас спросил у него:

– Какие есть в продажу дома и в какой местности, на цену от двадцати пяти до тридцати тысяч или немножко более. – Разумеется, по-тогдашнему, на ассигнации. – Только мне такой дом требуется, – объясняет, – чтобы его сию минуту взять и перейти туда можно.

Сводчик вынул из комода китрадь, вздел очки, посмотрел в один лист, в другой, и говорит:

– Есть дом на все виды вам подходящий, но только прибавить немножко придется.

– Могу прибавить.

– Так надо дать до тридцати пяти тысяч.

– Я согласен.

– Тогда, – говорит, – все дело в час кончим, и завтра въехать в него можно, потому что в этом доме дьякон на крестинах куриной костью подавился и помер, и через то там теперь никто не живет.

Вот это и есть тот самый домик, где мы с вами теперь сидим. Говорили, будто здесь покойный дьякон ночами ходит и давится, но только все это совершенные пустяки, и никто его тут при нас ни разу не видывал. Мы с женою на другой же день сюда переехали, потому что барин нам этот дом по дарственной перевел; а на третий день он приходит с рабочими, которых больше как шесть или семь человек, и с ними лестница и вот эта самая вывеска, что я будто французский портной.

Пришли и приколотили и назад ушли, а барин мне наказал:

– Одно, – говорит, – тебе мое приказание: вывеску эту никогда не смей изменять и

на это название отзывать. – И вдруг вскрикнул:

– Лепутан!

– Чего изволите?

– Молодец, – говорит. – Вот тебе еще тысячу рублей на ложки и плошки, но смотри, Лепутан, – заповеди мои соблюди, и тогда сам соблюден будешь, а ежели что... да, спаси тебя господи, станешь в своем прежнем имени утверждаться, и я узнаю... то во первое предисловие я всего тебя избыю, а во-вторых, по закону «дар дарителю возвращается». А если в моем желании пребудешь, то объясни, что тебе еще надо, и все от меня получишь.

Я его благодарю и говорю, что никаких желаний не имею и не придумаю, кроме одного – если его милость будет, сказать мне: что все это значит и за что я дом получил?

Но этого он не сказал.

– Это, – говорит, – тебе совсем не надо, но только помни, что с этих пор ты называешься – «Лепутан», и так в моей дарственной именован. Храни это имя: тебе это будет выгодно.

Глава одиннадцатая

Остались мы в своем доме хозяйствовать, и пошло у нас все очень благополучно, и считали мы так, что все это жениным счастьем, потому что настоящего объяснения долгое время ни от кого получить не могли, но один раз пробежали тут мимо нас два господина и вдруг остановились и входят.

Жена спрашивает:

– Что прикажете?

Они отвечают:

– Нам нужно самого мусье Лепутана.

Я выхожу, а они переглянулись, оба враз засмеялись и заговорили со мною по-французски.

Я извиняюсь, что по-французски не понимаю.

– А давно ли, – спрашивают, – вы стали под этой вывеской?

Я им сказал, сколько лет.

– Ну так и есть. Мы вас, – говорят, – помним и видели: вы одному господину под Новый год удивительно фрак к балу заштопали и потом от него при нас неприятность в го-

стинице перенесли.

– Совершенно верно, – говорю, – был такой случай, но только я этому господину благодарен и через него жить пошел, но не знаю ни его имени, ни прозвания, потому все это от меня скрыто.

Они мне сказали его имя, а фамилия его, прибавили, – Лапутин.

– Как Лапутин?

– Да, разумеется, – говорят, – Лапутин. А вы разве не знали, через что он вам все это благодетельство оказал? Через то, чтобы его фамилии на вывеске не было.

– Представьте, – говорю, – а мы о ею пору ничего этого понять не могли; благодеянием пользовались, а словно как в потемках.

– Но, однако, – продолжают мои гости, – ему от этого ничего не помоглось, – вчера с ним новая история вышла.

И рассказали мне такую новость, что стало мне моего прежнего однофамильца очень жалко.

Глава двенадцатая

Жена Лапутина, которой они сделали предложение в заштопанном фраке, была еще щекотистее мужа и обожала важность. Сами они оба были не бог весть какой породы, а только отцы их по откупам разбогатели, но искали знакомства с одними знатными. А в ту пору у нас в Москве был главнокомандующим граф Закревский, который сам тоже, говорят, был из поляцких шляхтецов, и его настоящие господа, как князь Сергей Михайлович Голицын, не высоко числили; но прочие обольщались быть в его доме приняты. Моего прежнего однофамильца супруга тоже этой чести жаждали. Однако, бог их знает почему, им это долго не выходило, но, наконец, нашел господин Лапутин сделать графу какую-то приятность, и тот ему сказал:

– Заезжай, братец, ко мне, я велю тебя принять, скажи мне, чтобы я не забыл: как твоя фамилия?

Тот отвечал, что его фамилия – Лапутин.

– Лапутин? – заговорил граф, – Лапутин...
Постой, постой, сделай милость, Лапутин... Я

что-то помню, Лапутин... Это чья-то фамилия.

– Точно так, – говорит, – ваше сиятельство, это моя фамилия.

– Да, да, братец, действительно это твоя фамилия, только я что-то помню... как будто был еще кто-то Лапутин. Может быть, это твой отец был Лапутин?

Барин отвечает, что его отец был Лапутин.

– То-то я помню, помню... Лапутин. Очень может быть, что это твой отец. У меня очень хорошая память; приезжай, Лапутин, завтра же приезжай; я тебя велю принять, Лапутин.

Тот от радости себя не помнит и на другой день едет.

Глава тринадцатая

Но граф Закревский память свою хотя и хвалил, однако на этот раз оплошал и ничего не сказал, чтобы принять господина Лапутина.

Тот разлетелся.

– Такой-то, – говорит, – и желаю видеть графа.

А швейцар его не пускает:

– Никого, – говорит, – не велено принимать.

Барин так-сяк его убеждать, – что «я, – говорит, – не сам, а по графскому зову приехал», – швейцар ко всему пребывает нечувствителен.

– Мне, – говорит, – никого не велено принимать, а если вы по делу, то идите в канцелярию.

– Не по делу я, – обижается барин, – а по личному знакомству; граф наверно тебе сказал мою фамилию – Лапутин, а ты, верно, напутал.

– Никакой фамилии мне вчера граф не говорил.

– Этого не может быть; ты просто позабыл фамилию – Лапутин.

– Никогда я ничего не забываю, а этой фамилии я даже и не могу забыть, потому что я сам Лапутин.

Барин так и вскипел.

– Как, – говорит, – ты сам Лапутин! Кто тебя научил так называться?

А швейцар ему отвечает:

– Никто меня не научал, а это наша природа, и в Москве Лапутиных обширное множество, но только остальные незначительны, а в настоящие люди один я вышел.

А в это время, пока они спорили, граф с лестницы сходит и говорит:

– Действительно, это я его и помню, он и есть Лапутин, и он у меня тоже мерзавец. А ты в другой раз приди, мне теперь некогда. До свидания.

Ну, разумеется, после этого уже какое свидание?

Глава четырнадцатая

Рассказал мне это maître tailleur Leroutant с сожалительной скромностью и прибавил в виде финала, что на другой же день ему довелось, идучи с работою по бульвару, встретить самого анекдотического Лапутина, которого Василий Коныч имел основание считать своим благодетелем.

– Сидит, – говорит, – на лавочке очень грустный. Я хотел проюркнуть мимо, но он лишь заметил и говорит:

– Здравствуй, monsieur Leroutant! Как живешь-можешь?

– По божьей и по вашей милости очень хорошо. Вы как, батюшка, изволите себя чувствовать?

– Как нельзя хуже; со мною прескверная история случилась.

– Слышал, – говорю, – сударь, и порадовался, что вы его по крайней мере не тронули.

– Тронуть его, – отвечает, – невозможно, потому что он не свободного трудолюбия, а при графе в мерзавцах служит; но я хочу знать: кто его подкупил, чтобы мне эту под-

лость сделать?

А Коньч, по своей простоте, стал барина утешать.

– Не ищите, – говорит, – сударь, подучения. Лапутиных, точно, много есть, и есть между них люди очень честные, как, например, мой покойный дедушка, – он по всей Москве стелечки продавал...

А он меня вдруг с этого слова враз через всю спину палкою... Я и убежал, и с тех пор его не видал, а только слышал, что они с супругой за границу во Францию уехали, и он там разорился и умер, а она над ним памятник поставила, да, говорят, по случаю, с такою надписью, как у меня на вывеске: «Лепу-тан». Так и вышли мы опять однофамильцы.

Глава пятнадцатая

Василий Коныч закончил, а я его спросил: почему он теперь не хочет переменить вывески и выставить опять свою законную, русскую фамилию?

– Да зачем, – говорит, – сударь, ворошить то, с чего новое счастье стало, – через это можно вред всей окрестности сделать.

– Окрестности-то какой же вред?

– А как же-с, – моя французская вывеска, хотя, положим, все знают, что одна лаферма, однако через нее наша местность другой эффект получила, и дома у всех соседей совеем другой против прежнего профит имеют.

Так Коныч и остался французом для пользы обывателей своего замоскворецкого закоулка, а его знатный однофамилец без всякой пользы сгнил под псевдонимом у Пер-Лашеза.

Впервые опубликовано – «Газета А. Гатцука», 1882.

Примечания

портной Лепутан (*франц.*)

[^^^]